

преобразования которого были направлены на пересмотр обеих групп (с оговоркой, которая ниже будет сделана), это обстоятельство выразилось в неравномерности этого процесса. У многих же других авторов этой поры мы можем обнаружить как случаи, когда усвоение новых «карамзинских» общелитературных норм совмещается с традиционным представлением о высоком стиле в художественной литературе, так и случаи, когда отказ от крайностей высокого стиля не сопровождается такой же последовательностью в отказе от архаических элементов «средней» литературной нормы. Все это нетрудно объяснить: понимание общелитературной нормы слабо зависит от внешних факторов, непосредственно отражая языковые вкусы и их эволюцию, в то время как представление о «высоком стиле» (и еще более о «низком») находится в тесной зависимости от состояния литературы. Это обстоятельство заставляет пристальнее взглянуть в художественную литературу как в ту среду, где происходит языковое развитие, а отчасти и как в один из важных факторов такого развития.

Вообще, когда речь идет о тех явлениях литературного языка этого времени, которые наиболее тесно связаны с художественной практикой эпохи, подход к ним с точки зрения сосуществования стилистических систем оказывается чрезвычайно плодотворным, хорошо согласуясь с сосуществованием в этот период враждебных друг другу и исторически преемственных систем самой литературы.⁵ Так, давно отмеченное исследователями (особенно четко в работах Г. А. Гуковского и Г. О. Винокура) изменение в новой литературе стилистической экспрессии высоких славянизмов, превращение их в элементы «поэтического языка» и в связи с этим функционально-стилистическая двойственность многих таких славянизмов в зависимости от контекста и условий употребления хорошо объясняются с точки зрения того факта, что «высокая» (в старом терминологическом смысле, как свойственная высокому стилю) и «поэтическая» экспрессии принадлежат разным — но сосуществующим определенное время — стилистическим системам.

Сама устойчивость старых стилистических норм в художественной литературе рассматриваемой поры отчасти объясняется экспрессивной бедностью «нового слога», ограниченностью его художественных возможностей. В этой связи примечательны слова Шевырева о том, что в «карамзинском веке» нет еще попыток

ственного языка», и «открывает нам истинные источники нашего поэтического языка». Очевидно, что такое разграничение не мог бы провести современник Ломоносова.

⁵ См. тезисы Ю. Тынянова и Р. Якобсона «Проблемы изучения литературы и языка» (1928 г.): «Понятие литературной синхронической системы не совпадает с понятием наивно мыслимой хронологической эпохи». И далее: «Недостаточно безразличной каталогизации сосуществующих явлений, важна их иерархическая значимость для данной эпохи» (*Michigan Slavic Materials*, № 2, *Readings in Russian poetics*, Ann Arbor, 1962, стр. 102).